

Альбина Тумерова

Родилась 8 мая 1984 года в Казани. Окончила Казанское театральное училище в 2005 году (по специальности актриса русского драматического театра), Литературный институт им. А. М. Горького в 2012 году (семинар прозы, руководитель А. Н. Варламов), ВГИК в 2012 году (сценарно-киноведческий факультет, мастерская А. Я. Инина и Н. А. Павловской).

Публиковалась в журналах: «Идель» (Казань), «День и ночь» (Красноярск), «Странник» (Саранск), «Русское эхо» (Самара), «Берега» (Калининград), «Абакан» (Хакасия), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Урал» (Екатеринбург), «Звезда» (Санкт-Петербург), «Наш современник» (Москва), «Формаслов» (Москва), «Пролиткульт» (Москва) и других.

Автор книг прозы «Дамдых» и «Перед солнцем в пятницу». Лауреат премий им. Виктора Астафьева и им. Игнатия Рождественского.

Член Союза писателей России, член Союза писателей Москвы.

Проверочное слово — «ЖИЗНЬ»

(монодрама)

На входе в зрительный зал — поленница. Прежде чем занять свои места, зрители берут себе по одному полену.

На сцене в банном халате сидит на лавке Луша. Под ногами у неё домотканый половик, Луша ощущает его голыми стопами, и ей приятно. А на полу повсюду разбросаны небольшие поленья. И хочется Луше снять с лица повязку для сна, но она этого не делает, потому что ей велели не снимать.

Она ждёт, когда заботливые руки прикоснутся к ней, снимут халат, маску с глаз, проведут в парную, уложат, и вскоре по спине запляшут дубовые, берёзовые веники.

Луша. Извините, а мы скоро начнём? Алё? Тут кто-то есть? Не очень-то тут тепло! Вы баню-то затопили уже или как?

Некоторое время Луша сидит смирно, хотя заметно нервничает, то и дело порываясь снять повязку с глаз, но останавливая себя в последний момент.

Луша. Вы хотя бы отзовитесь, чтобы я понимала, что не одна тут. Я же чувствую, тут есть люди. А то сниму вашу чёртову повязку! Меня уже это всё немного нервирует! А я пришла расслабиться, знаете ли... Денег заплатила! А меня игнорят.

Не снимая повязку, Луша встаёт и изучает пространство вокруг себя: трогает лавку, приседает и, проверяя руками путь перед собой, движется по полу. Луша

рукой нащупывает полено, потом ещё одно. Понимает, что поленья повсюду.

Луша. А что это у вас всё разбросано?

Луша срывает повязку с глаз. Увидев перед собой зрителей, она теряется, вскакивает и потуже запахивает халат.

Луша. Чего это?.. Я что, в реалити-шоу?! И давно вы здесь? Вы кто такие? Почему я тут? Я оплатила за банный круг, бережное пеленание! А это, блин... Чёрт, где моя одежда?! Где телефон?

Луша ищет одежду и телефон.

Луша. Это не смешно, вашу мать! Где мои вещи? Вы куда меня привезли? (*На зал.*) Что это за люди? Меня что, перед всеми будут мыть? Вы пришли, чтобы смотреть, как меня моют? Вы что, извращенцы?! Либо везите меня в нормальную баню, либо верните деньги! Блин! Двенадцать тысяч отдала. Дайте кто-нибудь позвонить. Ох, я же номер не помню... А впрочем, я такси вызову. Какой тут адрес? Вызовите кто-нибудь такси, я потом деньги переведу... Ну чего вы сидите?! Вы разве не поняли, что вас тоже надули?! Вы, наверно, судя по всему, в театр пришли, билеты купили, а тут я. Предлагаю объединиться и написать жалобу на эту шарашкину контору! Да где мои шмотки? Кто-то может мне что-то одолжить? Может, рубашку длинную? Хотя чем рубашка без штанов лучше этого халата... Штаны или платье, я думаю, просить бесполезно? Ладно, хрен с ним, со шмотьём, так пойду. (*Ищет под лавкой.*) Твою мать, а кроссовки мои где? Как я босиком пойду? Блин! Вот же подстава! Дайте кто-нибудь

обувь, я вам на карту деньги переведу! Дайте хотя бы носки! Ну и хрен с вами, босиком пойду!

Луша хочет покинуть пределы сцены, но какая-то неведомая сила не даёт ей этого сделать.

Луша. Что за... чёрт! Что за фокусы? Так не бывает!

Луша мечется по сцене, то и дело натыкаясь на поленья и тщетно пытаясь со сцены слезть.

Луша. Ой, я, наверно, сплю! Раз всё так нелепо. Я сейчас проснусь у себя дома! Сейчас, сейчас...

Луша пытается прилечь на лавку, но она слишком короткая и узкая, тогда Луша раздвигает поленья в стороны, чтобы было место, куда прилечь. Стелет половик и ложится. Некоторое время лежит. Затем встаёт.

Луша. Так. Надо сделать что-то совсем стыдное, и я проснусь!

Луша нелепо танцует, сама себе напевает, распахивая халат.

Луша. Всегда мечтала быть стриптизёршей. Я люблю, когда на меня смотрят мужчины и хотят меня. А ещё я всегда мечтала... быть проституткой. Но не какой-то там на трассе, а дорогой, ухоженной. Чтобы я могла выбирать, с кем у меня будет секс, а с кем нет. А что, многие женщины... да что там — все! Все женщины об этом мечтают. Ну кто мечтает возиться с детьми? Стирать мужу одежду, готовить, мыть посуду, подтирать за всеми, заниматься всем этим хозяйством и, главное, отказывать

себе во всём, вечно всем уступать... Я думаю, все женщины хотят быть свободными. Все ищут того единственного, чтобы жить долго и счастливо, а на самом деле хотят, чтобы была возможность отдаться мужчине, который им понравился. И чтобы никакого, блин, чувства вины за это не было. Отдаёшься, получаешь удовольствие, а на следующий день никакого тебе стыда, угрызений совести. Просто радуешься и перемалываешь в голове новые ощущения, который тебе подарил очередной любовник. Разве не так? Это, по-моему, куда лучше, чем хранить домашний очаг...

Луша вновь пытается слезть со сцены, и вновь какая-то неведомая сила её не пускает. Тогда она продолжает...

Луша. Но ещё больше я хотела секс с двумя мужчинами. А третий чтобы смотрел. А ещё я хотела, чтобы смотрела женщина. Смотрела, как мне хорошо, и завидовала. Вы знаете, я всегда боялась увидеть или услышать чужое занятие любовью, но очень хотела, чтобы кто-то увидел или услышал моё. Вроде бы ничего такого — ну занимаются любовью незнакомые мне люди... Я ведь тоже занимаюсь! Но я бы не вынесла, если бы увидела, как другой женщине хорошо. Мужчине — это пожалуйста. Но не женщине. Для меня это совершенно невыносимо. Даже просто увидеть красивую женщину невыносимо. Или если она в одной компании со мной. Хотя и меня Бог внешностью не обидел, и мужчинам я нравлюсь. Но красивых женщин рядом с собой не выношу. Уверена, у многих так же, просто все это скрывают. (*Смотрит в зал.*) Слава богу, среди вас, кажется, красивых нет. Да и мужиков таких, чтобы я захотела прямо тут отдаться, тоже. Вот так! Презирайте теперь меня, почувствуйте себя лучше, чем вы есть, на моём фоне!

Луша вновь пытается лечь и проснуться и в полном отчаянии продолжает.

Луша. Вы все, должно быть, любите детей и собак на вроде золотистого ретривера, загородный дом, шашлыки в кругу большой дружной семьи. А я вот хочу скитаний, хочу отдаваться мужчинам, которых я хочу, хочу приходить домой и чтобы там было чисто, все вещи на своих местах лежали. Я не выношу, когда бардак. Захламлённость не люблю.

Взволнованная своими признаниями, Луша принимается складывать разбросанные поленья.

Луша. И зачем здесь эти дрова? Меня что, собирались сжечь? Как ведьму? Были бы у меня спички, сама подожгла бы тут всё... Вместе с собой и со всеми вами! Эти банщицы обещали, что я от их бани обрету спокойствие! А сами засунули меня сюда... Они настоящие ведьмы. Чего только не придумают! Буквально из воздуха деньги делают. Раньше все сами в бане мылись, и ничего. А теперь — берегиня, повитуха, в длинных юбках ходят и, говорят, без трусов, чтобы срамное место имело прямую связь с землёй, с предками, и пробуждало женственность, и наполняло энергией, и этой самой энергией они и делятся потом с такими никчёмными, как я. И как я на это согласилась, не знаю... Сама я, что ли, помыться не могла? Такой инстаграм красивый у них: печечка, самоварчик, венечки, носочки, травки сушёные, мёд... А как они общаются! «Родная, дорогая! Как я тебя понимаю! У самой так было! Но я делала то-то и то-то, практики, медитации — и теперь летаю! Ты с нами в водоворот счастья и раскрытия своей природной женственности?»

Блин, блин! И как это я повелась?! (*Озаряет догадка.*) Ой! А может, я приняла что-то... и всё мне мерещится? И вы все? Но — что? И когда? Что я делала вчера?.. Я была у себя дома? Или нет? Где я была? Так-так-так... Я сейчас вспомню. Меня зовут Луша. Или нет. Нет, если бы меня так звали, я бы часто это имя слышала... Тогда откуда я его взяла? Какое имя я слышала часто?.. Может, я так давно ни с кем не общалась, что и не помню, как меня зовут? Ладно, я вспомню. Мне сорок лет. Это я хорошо знаю! Я живу... Беренгов проезд... Но я помню, как выглядит моя квартира! У меня евродвушка: кухня с гостиной и спальня. Санузел совмещённый. Балкон. Седьмой этаж... Ну, хоть что-то.

Вспомнив свою квартиру, Луша немного успокаивается.

Луша. У меня дома вообще нет лишних вещей. Слышали про осознанное потребление? Вот я так живу. У меня и одежды, и посуды, белья и прочего ровно столько, чтобы хватило на жизнь. А коронавирус и вовсе показал, как мало надо человеку для жизни. Мне, кстати, понравилось на карантине сидеть. Интересное время было. Я тогда только и поняла, насколько я одинока. (Выжимает тряпку в ведре, моет пол.) И никакого сожаления не испытала. Напротив, никто меня не доставал, я спокойно работала, смотрела сериальчики, связала большой плед. И у меня было полное воздержание. Мой... мужчина, с которым у меня тогда отношения были, со своей семьёй на карантине сидел. И, понятное дело, мы даже не созванивались. Да, презирайте меня, я встречаюсь с женатым! И совсем не жалею!

Луша отворачивается, расставляя поленья. Вдруг её озаряет догадка.

Луша. Я поняла! Это его жена мне мстит. Не иначе. Но меня голыми руками не возьмёшь. И к тому же это похищение. Это статья! Я не боюсь, ясно тебе?! И ни о чём не жалею!

Луша разрушает поленницу, которую сама же собрала.

Луша. Ну вот, я помню своего мужика женатого. И жену его. Я давно её знаю! Нет, не она это. У неё мозгов не хватит такой спектакль устроить. Кто-то другой... Луша-Луша, что за Луша?.. Лукерья... Я помню свою маму, она бы меня так никогда не назвала. (Смеется.) А я когда сериалы смотрела и там кто-то память терял, думала: «Ну не может такого быть!» И вы ещё тут, сидите как ни в чём не бывало! Как в гипнозе. Секта какая-то... Может, это розыгрыш? Ну вообще не смешно! Всё. Всё. Буду просто так сидеть. Рано или поздно вам наскучит.

Луша собирает квадратную башню, ставя поленья поперёк, как на сруб.

Луша. А вы знаете, я в детстве обожала ломать чужие куличики и снеговиков. Причём сделать это на глазах ребёнка у меня не хватало духу, потому я исподтишка, когда никто не видел. И любила потом смотреть, как человек расстроился. Выходит во двор в надежде увидеть снеговика, а там развалины. Стоит сокрушается. А я лую. Вот вам ещё повод презирать меня.

Вдруг одним взмахом руки Луша ломает то, что построила.

Луша. А однажды я дорогую картину испортила. Меня пригласили на выставку. Пригласил мужчина, с которым

я познакомилась на заправке, в очереди в туалет. Он галантно пропустил меня вперёд. Захожу, а там грязница и кто-то... мимо наделал. Не сильно, но всё же. И я опешила, думала: «Может, выйти, чтобы он не подумал, что это я», а потом думаю: «Нет, времени уже прошло столько, что я бы успела сделать это, если бы это была я». А выйти и сказать, мол, когда я зашла, тут уже так было, тоже глупо, сами понимаете... Он мне, как назло, понравился, если бы не понравился, плевать, пусть думают что хотят... Смотрю, дверь приоткрыта, и за нею, оказывается, подсобка. Там швабры, тряпки. Перчатки даже были, я, в общем, перчатку надела — и давай мыть это всё. Швырнула, даже не сполоснув, тряпки обратно, руки помыла и вышла. Он говорит: «Подождите меня вон за тем столиком. Кофе, — говорит, — налейте, а я оплачу». Но кофе пить я не стала, на заправках кофе так себе. Когда мужик вышел, мы телефонами обменялись. Я думала, разъедемся, но он припарковал свою машину, а сам со мной сел. Короче, еду я и понимаю, что в туалет забыла сходить. Ну, зато с мужиком классным познакомилась. Когда до дома доехали, я предложила выпить кофе, который мы так и не попили на заправке. Ну вы же понимаете, женщина приглашает мужчину попить кофе? И он поднялся, а я думаю: «Моё красивое бельё в стирке или нет?» У меня оно одно, парадно-выходное бельё. Не потому, что позволить себе не могу, а потому, что я за осознанное потребление. Я завела кофе-машину и пошла переодеваться, типа в домашнее. Выхожу в халатике, бельё, слава богу, было в комодке. Налила кофе, сидим пьём. О себе чуть-чуть рассказала, про него послушала и думаю, когда же самое главное начнётся. А он про выставку рассказывает. Я пообещала, что приду. И он поблагодарил за кофе и ушёл. Я вообще ничего не поняла. Он, правда, писал

потом, что еле сдержался, что я такая искренняя, наивная, что он меня хотел, но побоялся отпугнуть. Ну, думаю, может, с серьёзными намерениями. Пошла я на эту выставку. Выглядела — хоть картины пиши. Прихожу, гуляю, шампанское выпила, рассматриваю эту мазню. А люди, главное, что-то обсуждают, к философским учениям, к библейским притчам привязывают. Я думаю: «Куда я попала?!» Жду его, высматриваю. Всё же не картины смотреть пришла, а попробовать новые отношения. Зашла в другой зал — стоит, интервью даёт. Я подумала: «Может, он художник?» И придумываю, как бы похвалить эту ересь, ведь спросит же. Увидел меня, подошёл. Ручку поцеловал. Походили мы с ним ещё там среди картин, он то и дело здоровался то с одним, то с другим. Потом смотрю, в нашу сторону баба расфуфыренная идёт. Как лиса идёт. А голос будто маслицем с мёдом смазали. Он у ней тоже ручку поцеловал и представил нас друг другу. А как представил?.. Точно имя Лукерья не произносил. Откуда я его вообще взяла?.. Ну ладно. Такая деваха, просто умереть не встать. И я себя просто чмом на её фоне ощутила — настолько она была хороша. И потом этот козёл начал мне втюхивать картины, чтобы я купила. Эта овца оказалась художницей. Реально от слова «худо». Да квадрат Малевича — просто шедевр в сравнении с её мазней! У него хотя бы мысль есть. А у неё высер какой-то! Но сразу не уйдёшь, я притворилась, что рада знакомству, и она рассказала, что рисует картины... своей вагиной. Вставляет туда кисточку и малюет. А потом подвела к картине и говорит, что у этой работы два автора: она и мой мужик. Она во время полового акта создала. Так и сказала: «Создала». Кисточка в зубах, в руках, в пальцах ног, как придётся. Вот так вот, современное искусство. А люди смысл какой-то ищут. Я спрашиваю, а знают

люди, каким местом она «создаёт» своё искусство? Так и сказала: «Создает» и «искусство». «Да, — говорит. — Оставайтесь, чуть позже будет аукцион, буду продавать картины, а в конце “создам” прямо тут, при всех и продам дороже остальных». И так мне обидно стало, что я толчок этот грязный драила на заправке! И я, короче, дождалась, чтобы все из этого зала вышли, достала ключи от машины и проткнула картину, которую они вместе с моим мужиком «создали». Потом отошла, загуглила эту дуру. Оказалось, есть у неё поклонники творчества, мужчины в основном, конечно... Целый канал на ютубе, как она это делает. Без пошлости. Но, блин, завораживает. Если бы она своей вагиной что-то удобоваримое нарисовала, я бы, честно, восхитилась. Я решила аукциона дожждаться. Вытащили картину с дыркой. И главное, никто не понял, что она испорчена, купили. А они и рады, не стали бучу поднимать и даже не расстроились. Хотя, наверное, поняли, что это я. Она — так точно поняла, бабы чувствуют, если их мужик кому-то понравился.

Луша на некоторое время замолкает. Берёт полено, вертит в руках.

Луша. Так бы и заехала ему этим поленом! И ей тоже... Может, это все — её рук дело? Она могла бы такое провернуть, креативная. Но ведь мужика я не увела, картину она продала. Да и столько лет прошло... не стоит овчинка выделки. (С догадкой.) А может, тут камеры установлены? И какой-нибудь прямой эфир идёт? Да я вас засужу! Вот увидите!..

Луша опять пытается покинуть сцену, и вновь у неё ничего не выходит.

Луша. Ради смеха дома я тоже попробовала вагиной порисовать. Потом мазню эту повесила у себя над рабочим столом. И подпись её подделала в уголке. И главное, нашлись люди, кто в теме, заходят и восхищаются, спрашивают, у той ли купила, как билет на выставку достала, за сколько купила. Я лишь улыбаюсь в ответ. И стали все думать, что у меня много денег. Что есть у меня скрытый богатый мужик, который меня содержит, ведь моя зарплата не позволила бы так потратиться. И тот мужик, с заправки, видать, тоже повёлся на мою машину, подумал, что я могу купить картину, потому и позвал на выставку. У меня хорошая машина, дорогая, «Хонда CR-V». Как квартира стоит. Но я её не покупала. Мне её дал один человек... Он нечаянно кота на ней задавил. Я вышла во двор, иду, тут кот какой-то бежит чёрный. Я думала, сейчас дорогу перебежит, топнула ногой, кот испугался и шархнулся в сторону. И тут он на своей машине. И прям под колёса. Получается, я его туда загнала... Я вскрикнула. Он выскочил, подумал, что мой кот, и чуть не в ноги мне кинулся. А я стою, уставилась в одну точку, соображаю, как выгоднее поступить. И говорю: «Маркиз. Мой Маркиз». В общем, мы с ним кота соскребли с асфальта, завернули — и в машину. Отъехали на пустырь и похоронили, я даже историю рассказала: как пять лет назад подобрала его, что, мол, помогала его хозяйке, старушке с нашего дома, продукты носила, прибиралась у неё. А когда она умерла у меня на руках, родственники бросились квартиру делить, а кота никто не брал. Я его, значит, взяла. И жили мы вдвоём. Мужик слушает, вздыхает. Я говорю: «Давайте помянем Маркиза». Поднялись ко мне. Помянули. Я, главное, позвала и потом только сообразила, что он заметит, что мисок, лотка нет. Но не заметил. Слишком огорчён был. Он тогда

всё пытался меня утешить, сказал, что это временное расставание, любимые не умирают, лишь рядом быть перестают. А я думаю: «Как хорошо, что этот кот ему под колёса бросился. Что-то выгодное наклёвывается, вроде». Он старше меня лет на пятнадцать, уже и внуки есть. Думаю: «С ним жить можно!» Даже не выяснила ещё, есть ли жена, сразу решила: он мне нужен! Но пока горюю по коту. И про старушку рассказываю. Чтобы он понимал: перед ним добрая женщина, потому что я вижу, что он и сам добрый и порядочный, даже слишком. У нас и правда жила старушка на первом этаже. Но я ни разу к ней не зашла... Только здоровалась, когда видела её на балконе, и то не всегда... А когда она умерла, я дома была, но попрощаться не спустилась. Зачем мне негатив в жизни?.. В тот день у нас с мужиком ничего не было. Потом он пришёл с гостинцами, опять чай только пили. Я думаю: «Давай, что ли, к главному переходить». А он мне говорит: «Я, — говорит, — не могу больше на машине этой ездить. Наверно, — говорит, — честно будет отдать её вам». Ну я помялась, поотказывалась для приличия, а сама думаю: «Вот это улов! Я себе в жизни такую не куплю!» И, будто бы с тяжёлым сердцем, со словами «Раз ты так решил» приняла её. Переоформили на меня. «Жена, — говорю, — ничего не скажет тебе?» «Я, — говорит, — обсудил с ней, это она и предложила! Только, говорит, она, та женщина (я то есть), наверно, тоже не сможет на ней ездить после такой трагедии. Но хоть продаст тогда. А как мы ещё можем загладить свою вину?» И отдали машину мне, машину стоимостью в несколько миллионов! И откуда только лохи такие берутся... И отпустить бы мне его, сказать, мол, тяжело тебя видеть, кота всё-таки моего любимого задавил. Но я... всё с ним затеяла. Мы встречались какое-то время. Но в постели он

совершенно никакой оказался. И запах его мне не нравился. Даже после душа у него был этот запах, непонятно чего... его запах. Его жена, наверно, с ума от него сходит, а я нет. Я потерпела, пока машину оформляли, а потом сказала: «Люблю я тебя, но так не могу, мы делаем больно твоей жене, она, мол, не заслуживает. Хоть и невозможно, а надо нам расстаться». Он сказал, что не встречал таких женщин. Вот так, товарищи, вот вам ещё грехи. А знаете, что самое смешное? Я ни о чём не жалею...

Луша отворачивается.

Луша. Тут по классике жанра я должна была в аварию попасть на этой машине... Ан нет, езжу! Были мелкие аварии, когда я ещё габариты не чувствовала. А серьёзного — ничего...

Луша разворачивается к зрителям.

Луша. Короче, этот идиот, который кота задавил, признался своей жене. Рассказал ей про нас. А она... она... Ну вы поняли, да?.. Прямо дома у них. И даже после этого я ездила на машине и в ус не дула! И он пришёл однажды. Я открыла. Водки ему налила. Помянули. Какое там сочувствие я испытала! Я думала: «Вот же гемор на мою голову!» Он опять сказал эту фразу: «Любимые не умирают, лишь рядом быть перестают, это временное расставание». А я думаю: «Ага, значит, всё же она — твоя любимая, а не я!» Но вслух не сказала, конечно... Мы посидели ещё какое-то время, а потом он ушёл. Спустя примерно пару месяцев он позвонил, ему, наверно, просто поговорить хотелось. А я была не одна, у меня уже появился... следующий. Который женатый, я говорила... у нас

тогда только-только всё началось. Я сказала, что никак не отстанет бывший. «Возьми, — говорю, — трубку, только не груби». Он взял. А тот, мужской голос услышав, сбросил звонок. И больше не звонил. Я подумала ещё: «Может, и он руки на себя наложит, ещё один труп на мне». Но потом запретила себе думать — какая мне разница? У него своя голова есть. Лишь бы предсмертную записку, где винит меня, не оставлял. И я потом ещё продолжала ездить на его машине. И он, может быть, всё про меня понял. Я думала, может, мстить придёт. Но я как-то не боялась. Я вообще не особо боюсь смерти. С одной стороны, люблю жизнь, вот умереть как люблю! А с другой — готова не быть вовсе и даже, наверное, обрадуюсь... Хотя на Небо — страшно. После всего, что я сделала. Я знаю, что спасение получишь, если искренне покаешься в своих грехах. Но я не могу! Я бы и рада, может, но не могу! Я ни о чём не жалею... (Усмехается.) Сидят слушают! Ещё раз вам говорю: я не актриса, вашу мать, и это не театр! Ну и сидите... Рано или поздно кто-то в туалет захочет, поест захочет.

Луша надевает маску для сна, ложится на лавку. Некоторое время лежит неподвижно.

Луша. Если вам кто-то скажет: «Выговорись, тебе легче станет» — не верьте. Вот я вам рассказываю, и мне ни хрена не легче. Наоборот, только хуже сделала... Будто на двадцать килограмм поправилась. Никогда бы не подумала, что буду всё это рассказывать стольким людям... Я ведь не такая плохая, какой кажусь. Я просто хотела быть счастливой. И все хотят. И у каждого свой способ. Мне никто ничего не блюдечке не принёс, самой приходится изворачиваться. Один раз живём! Надо,

чтобы жизнь была как праздник! Но вы не подумайте, я не имею в виду пьянство и прочее. Я не пью и не курю и вообще ничего не употребляю. Под свободной жизнью, под праздником я даже не имею в виду распутство и разврат. Просто я хочу не отказывать себе. И я никогда не стремилась замуж, в детстве о белом платье не мечтала, и моя Барби была моделью и актрисой, и не было у неё ни мужа, ни детей. И она встречалась с Кеном Барби моей подруги. Моя подруга, разумеется, была не в курсе. Когда подруга выходила, например к телефону или в туалет, я брала её Кена и свою Барби, и они целовались, а подругина Барби смотрела. Эта подруга... она мне поперёк горла уже тогда была. Моя мама всё время мне её в пример ставила. А что в ней особенного? Она просто всё делала быстро: уроки там, посуду помыть. Но я тоже всё это делала, только дольше. Ну и что? У всех свой ритм. Я не обязана быть как она! *(На некоторое время Луша замолкает.)* А спустя лет пять — нам было, наверное, по семнадцать — я увидела, как подруга целуется с парнем, который очень нравился мне. Я, может, даже любила его. И она об этом знала. И главное, ей он не нравился, она даже высмеяла меня, когда я ей призналась. Может, врала... А может, специально самоутвердилась. Я думала, всё у них кончится, но она потом замуж за него вышла. Меня тоже пригласили. Я пошла. Так плохо мне ещё никогда не было. Вы знаете, я же потом жила и высматривала балки разные, перекладины, чтобы повеситься. И мама мне ещё: «Вот, Людка уже замуж вышла, а ты всё ходишь». А нам двадцать три только было. У меня, наверно, поэтому отвращение к замужеству. Что бы я ни делала, маме всё не слава богу... Когда мне было около тридцати, мама заболела. Я за ней ухаживала и всё ждала... потом все её вещи, одежду, всё сожгла. Даже посуду

выбросила и купила всё заново. Ремонт сделала, евро-двушку, стены сломала. И стала жить наконец-то. Вот вам ещё один повод презирать меня. Но моя совесть чиста. Я маме никогда не грубила, я ухаживала за ней, когда она болела. А что у меня на душе творилось... Но я же это скрывала, я к ней всегда со всем уважением...

Луша строит из поленьев круг.

Луша. Мы с подругой несколько лет не общались. И представляете, она однажды на собеседование к нам в фирму пришла, работу искала. Я чуть не упала, когда увидела её. Она замялась сначала, занервничала, думала, может, прокатит сделать вид, что мы незнакомы. А я ей: «Привет, Люда!» А она мне: «Привет...» Как она меня назвала?.. (К залу.) Может, кто-то знает, как меня зовут?.. Ладно, проехали. И мой шеф сидит. Сначала о работе поговорили, она на полный день не могла — у неё младший ребёнок ещё маленький. А я потом разговор на детство перевела и сказала: «Как давно мы не общались, всё работаем, жить некогда!» И шеф мой: «Идите тогда пообщайтесь!» И пока мы ещё выйти не успели, скомандовал секретарю: «Зовите следующего!» Я, такая радостная, говорю Людке: «Ты, мол, не бойся, он, мол, всех просо беседует и спросит меня, что я думаю. И я, конечно, скажу, чтоб взяли тебя. А тебе куда ехать, давай подброшу?» Она отказывалась, рвалась в метро, но я буквально затолкала её в свою машину. Она, конечно, поняла, сколько стоит машина, и, надеюсь, позавидовала. Когда довезла до дома, она с неохотой пригласила меня на чай. Конечно, я согласилась! Дома у них так себе, все дешманское, но это полбеды. У них бардак, просто полный раскардак! А когда в вещах бардак, то и в голове... Попили чай,

потом, чтобы выпроводить меня, она засобиралась в садик за старшим. Я с ней до садика. Потом до дома, типа общаться хочу. Я ещё, пока из садика шли, с её ребёнком игралась, бегала, она, похоже, не играет — времени нет. И он прям плакал, не хотел меня отпускать. А я всё жду, когда муж придёт. И пока мы во дворе стояли, он приехал. У него приора. Он меня не узнал, но я напомнила, кто я. И он сказал, что я похорошела, предложил подняться, посидеть по-взрослому. А она была прям недовольна, что я не успела уйти. А я это почувствовала и вся расцвела, заблагоухала. Он отправил жену укладывать детей. Стал хвастаться своими настойками. Он сам гонит спирт и потом настаивает. Я всё попробовала по чуть-чуть. И нахваливаю, восхищаюсь им, а он и рад, прям тает. Тут входит на кухню чёрная, как смерть, моя подруга. А мы с её мужем такие лёгкие, счастливые! Она тоже пытается быть такой, но у неё не получается, и я вижу, что она мучается и прокликает себя за то, что на собеседование пошла. И она чувствует, что между её мужем и мной искра пробежала. Что мы, может быть, увидимся с ним, она и знать не будет, потому что привязана к дому, детям. У него ещё работа разъездная, он бойлеры для воды устанавливает. Я ещё соврала, что на даче хочу бойлер, а он как подхватит: «Да не вопрос, всё сделаем» и визитку даёт! А у подруги прям глаз задёргался. А когда ещё её старший пришёл воды попить, она на него сорвалась, наорала на него, шлёпнула и сама, прям при ребёнке, получила от мужа люлей. На этой счастливой ноте я попрощалась и ушла. В общем, это был лучший день в моей жизни. (Немного помолчав.) Я потом пыталась понять: люблю ли я его или просто гештальт закрываю? До сих пор не знаю. Может, я и не любила никогда никого... Кроме мамы. Её я любила, хотя она была так строга ко мне, так холодна! Может,

я больше не из-за мужика, а из-за мамы мстила ей. Что она моей маме нравилась больше, чем я... Интересно, а когда вы собираетесь уходить отсюда? Думаете, наверно, что это такой спектакль, что всё так и задумано? Что я актриса? Я уже поняла, что не сплю, раз не проснулась, когда рассказала вам ужасные вещи о себе. Блин, сходила в баню! Но я это так не оставлю! Я в полицию пойду, пусть ищут эту берегиню, которой я двенадцать тысяч перевела. Классное, блядь, пеленание, венечный массаж, медово-ореховое скрабирование! Полный банный круг! Забота о женщине! Полное добро, любовь, понимание и приятие. Обещали, что я выплачу айсберг боли, выйду заново рождённой! Для новой, блядь, жизнь! Я вам заявляю, это не спектакль, я не актриса, я такая же, как вы! Это какой-то абсурд! Кстати, я мужа подруги потом вызвала на дачу, правда, не на свою. Меня знакомые попросили пожить там с собакой, пока они на море. Даже денег заплатили. И когда звала, говорю: «Бери с собой жену, детей, пообщаемся». Он: «Да-да-да, разумеется». Но я поняла, что не позовёт. Он будто бы мимо ехал, а раз мимо, почему не заскочить ко мне? Но я-то знаю, что он специально приехал. Я встречаю его, сокрушаюсь: «Чего один?» — а он: «Ну приедем ещё всей семьёй», хотя оба знаем, что не будет этого. Показала тамшний бойлер. «Барахлит, — говорю, — долго греет, может, поменять? А гарантия, — говорю, — вышла». Он повожился с ним немного, я говорю: «Ты с работы, давай, что ли, перекуси». И пошла на стол собирать. Сели, стали чай пить. Он про бойлер что-то там сказал, даже не помню что. Помню только, что сказал, что таких больше не выпускают. Предположил, что накипь образовалась за столько лет. А потом сменили тему, я стала про детство наше рассказывать, про жену его, как играли, что она весёлая

такая была, специально её хвалила, потому что обычно, когда хвалишь, скромничают, наоборот говорят, что всё не так хорошо, как кажется. И он тоже начал говорить, что, когда поженились, всё хорошо было, а потом дети родились и будто подменили её. А я сижу, сочувственно киваю, даже пригубить предложила для расслабления, хоть он и за рулём. Не отказался. А тост я подняла за их семью, чтобы всё наладилось. И он выпил. А дальше как в плохом кино: я пошла к раковине чашки сполоснуть, включила воду. Он сзади подошёл, типа воду потрогать, горячая ли, греет ли бойлер, ну и представьте: он стоит сзади меня. Я в сарафанчике. Белья на мне нет. Не потому что он, а просто я не ношу дома бельё. Ну и мы прям там, на кухне... И это было волшебно. Не знаю, может, мне не столько от его ласк, сколько от радости мщения хорошо было, но у меня прям оргазм за оргазмом. И слышу, его телефон звонит. А потом мой. Потом опять его. Я сразу поняла, что она это звонит. И я от этой мысли ещё раз кончила. И я знаю, что никто, кроме собаки, не слышит, дача большая, и дала волю чувствам. Даже собака потом не выдержала и завыла. Мы засмеялись. И он такой довольный от меня уехал! Он всё не мог уехать, оторваться от меня. Ноги мне целовал. Потом мы взяли свои телефоны. Он говорит: «Людка звонила». Я говорю: «Ой, и мне тоже». Посмотрели друг на друга. Но то, что произошло между нами, было сильнее чувства вины.

Луша садится на лавку и некоторое время молчит.

Луша. Он ко мне потом ещё приезжал. И на ту дачу, и домой ко мне. А я нарочно пишу Людке: общаться типа хочу, типа так классно посидели тогда, и что, мол, мы все эти годы не общались? Она, конечно, часто мне

отказывала, в гости не приезжала, я, мол, всё понимаю, у тебя дети, не выбратся. Я сама приезжала и присоединялась к их прогулке. И я понимала, что она догадывается, но признать не может, вслух сказать не может. Иной раз, когда он в обеденный перерыв — ко мне на потрапушечки, я не мылась после секса, шефу говорила, что в банк еду или ещё куда по работе, а сама ехала к ней, чтобы она чувствовала, как от меня пахнет её мужем. И она чувствовала! А я — ликовала! И про работу ей с сожалением сообщила, что взяли другую, тоже мамочку в декрете, что я, мол, за неё была, но шеф упёрся, другую взял. Хотя это я его отговорила брать Людку, и он меня послушался, он доверяет мне. Я бы с ним замутила, но жена у него... в сто раз хуже меня, я бы с такой не справилась. Потому и не лезла... да и он не лез. Вот так я двух зайцев — и работу ей не дала, и брак её расшатала. Я уже, что называется, наелась, но не гнала его. И главное, раз я не завишу от мужчины, такая вся сама в себе — они как мухи на мёд на меня. За одного я даже замуж собралась, уж больно тепло было рядом с ним: вот всё на себя взял — только живи и радуйся. И в сексе хорош. А мужа подруги всё равно при себе держала. Он впал в полную от меня зависимость. Счастье её семьи было в моих руках. Теперь, когда у меня появился жених, я не всегда разрешала ко мне приходиться. Меня даже забавляло это: вроде дам добро, а в последний момент — ой, прости, не сегодня. А с Людкой поделилась, что скоро замуж выхожу. Она, видимо, мужу и сказала. Как только возможность появилась, явился свирепый, я думала, ударит. «Не смеешь, — говорит, — замуж выходить! Моя!» А я ему: «Хочешь видеть меня иногда, хочешь семью свою сохранить — соглашайся на мои условия. Что-то, — говорю, — ты не разбежался от жены-то уйти». Подумал и согласился. На мои

условия. А я ведь вроде и замуж выхожу, а с ним рвать и не подумала... А перед свадьбой я вдруг заявила своему жениху, что не выйду за него. Я ведь понимала, для чего замуж выхожу: просто чтобы скинуть с себя разные жизненные вопросы. И я пожалела его... Думаю: «Пусть лучше добрую женщину найдёт». В изменах призналась тоже. И то, что хотела дорогой шлюхой быть. Да и была, если подумать... Про кота рассказала, что машину отдали. Правда, вот про суицид жены того мужика не смогла сказать... Но и остального было достаточно, чтобы меня презирать. Он пожал плечами и согласился: «Да, не стоит жениться». Поблагодарил за откровенность и ушёл. Я думала, заберёт то, что успел мне закупить... Нет, оставил. И опять я одна. А это ведь был мой шанс на счастье. На жизнь нормальную. Хоть что-то хорошее я в жизни сделала — уберегла того человека от себя. И знаете, в тот момент я будто расцвела. Так стало легко! Я почувствовала, что поступила правильно, впервые в жизни. И как Мадонна жила какое-то время. Будто меня сам Бог за руку везде водит.

Некоторое время Луша молчит.

Луша. А вскоре я обнаружила, что беременна... И главное, не знаю, от кого: от жениха своего или от мужа подруги. Так я каялась, что рассказала, надо было выходить замуж и рвать с мужем подруги. У жениха бы даже мысли не возникло, что не от него. Вся моя благодать, конечно, как в унитаэ смылась. Я хотела сначала аборт сделать. Но мне сон приснился: стоит девочка и смотрит на меня. И в руке держит что-то белое. Вроде голубя или свёрток какой-то, не помню. И будто это что-то опасное. Я иду к ней, хочу взять... Но она не даёт. Хотела сначала жениху

сказать, потом передумала. Даже если бы простил, всё равно я счастливой, похоже, не умею быть. Хотела потом сказать мужу подруги и тоже передумала, решила: он же всё равно ходит ко мне, сам рано или поздно заметит, спросит. А потом думаю: «А что ему, надо сразу ей!» Но не сказать, мол, я от твоего мужа беременна. А дожидаться, пока она сама заметит. Женщины, особенно рожавшие, такие вещи раньше мужчин замечают, на ранних сроках. Ну, общаемся, как раньше. А когда заметила, говорит: «А что вы со свадьбой-то тянете?» А я не говорила ей, что рассталась со своим. И мне кажется, тогда-то она и поняла, что беременна я от её мужа. И я тогда почему-то поняла, что от её мужа беременна, хотя с двоими одинаково жила. И мне уже совсем несладко от мести, всё — намстилась, вымоталась от всего этого, не только с их семьёй, а в целом от своей жизни. Покоя охота. Выносить нормально и родить. И решила больше не общаться ни с ним, ни с ней. Работа у меня есть, в декрет пойду, как мать-одиночка льготы получать буду. И всё же не одна. Но подруга, видимо, решила врага близко к себе держать, тактику сменила. И сама с дружбой полезла. Советуется про то, се. И со своими советами лезет, одежду от своих детей приготовила, чтобы мне отдать. А муж её просто слился, когда живот мой заметил. Будто не было всех этих лет. Она не говорила ему, спектакль решила посмотреть. И я подумала: «Вот стоило оно того?» Тот поцелуй, когда нам было по семнадцать. Моя мать, которая порой говорила: «Людка то, Людка это...» Не стоило... Но я прям остановиться не могла, упивалась... Ну, хотя бы ребёнок у меня будет. Вот такие дела, товарищи... Ну вот как, как можно все это отмыть в бане, выплакать этот айсберг боли, как?! Я понимаю, что-то одно, а у меня ведь... концентрат просто! На десятерых хватит...

Луша отворачивается от зала, стыдясь себя и своего рассказа. Но через некоторое время резко разворачивается.

Луша. А может, это все так задумано? Чтобы я тут выговорилась, типа в грехах покаялась. А потом меня в баню поведут? Господи, ну почему я не каюсь? Я так хочу раскаяться! Но я рассказываю, и будто не со мной было. Будто я рассказываю о другом человеке, а пока говорю, ко мне все это пристаёт, сливается со мной, и так тяжело! (С догадкой.) А другой человек, который всё это сделал, освобождается... Мне кажется даже, будто я защищаю кого-то. Как глупо!.. Мне понравилось быть беременной. Я прям гордилась своим животом. На машине ездить, правда, боялась, думала, кара божья настигнет. А в транспорте мне место всегда уступали. А когда родилась Луша, я была счастлива, впервые в жизни! Ой! Луша — так зовут мою дочь!

Свет гаснет. Полная темнота.

Луша. Я вижу, я всё вижу! Она, моя мама, была счастлива, впервые в жизни. Как тогда, когда сказала своему жениху, что не может выйти за него замуж, потому что плохая. И она впервые в жизни любила... меня, свою... дочь!..

Свет вновь появляется. Луша некоторое время молчит.

Луша. И однажды она меня кормила грудью и нечаянно... уснула...

Слышно потрескивание дров в огне. Свет постепенно гаснет, подсвеченным остаётся лишь одно из поленьев. Луша приближается к полену, садится возле него.

Луша. Она, конечно, пыталась её спасти. Её, конечно, не посадили. Несчастный случай. Она никого не звала на похороны. Но подруга её пришла. Видимо, в новостях было. Подруга пришла, а её муж не пришёл. Мама жила весь год одна. Она долго ещё сдаивала молоко. Иногда сама же его пила, мешая с водкой. Она хотела взять девочку из детдома, но не взяла. С работы ей дали матпомощь... На годовщину пришёл мой папа. Предложил памятник оплатить. Мама заказала. А ещё через какое-то время папа захотел на могилку сходить. «Покажи, — говорит, — где». И они встретились, мои папа и мама. Мама думала, что папа с женой будет, но он был один. Подошли к памятнику. Папа долго стоял и смотрел на памятник. А мама смотрела на папу. Папа прочёл вслух то, что было написано на памятнике, моё имя... И фраза внизу: «Любимые не умирают, лишь рядом быть перестают». И усмехнулся. «Ты заказала?» — спросил он у мамы. Мама ответила: «Я, кто же ещё?» А папа и говорит: «“Умирают” пишется через “и”». Мама растерялась. «Как же, — говорит, — через “и”, ведь проверочное слово “смерть”». А папа... засмеялся. «Я, — говорит, — не знаю проверочное, но знаю, что через “и”. Ты бы хоть загуглила». И пошёл по аллее к выходу. А мама осталась и всё не могла понять, почему через «и», ведь проверочное слово «смерть».

Луша пеленает полено, словно младенца, в половик, что у лавки. Прикладывает к груди. Потрескивание огня всё сильнее.

Луша. Маму повели в баню две женщины. Они добрые. Они гладили её вениками, а мама плакала. Они намывали её, а она плакала. Натирали мёдом, солью, отпаивали чаем, а она плакала. Она выплакала айсберг боли. Потом она смеялась. Потому что слёз не осталось, а молчать она не могла... Потом живот заболел от смеха, скулы свело, и мама выла. А две женщины слушали её вытьё и гладили по волосам. А когда не осталось и голоса, мама затихла. Она уснула, чтобы проснуться и жить дальше.

Луша замолкает, потрескивание огня всё громче. Держа в руках полено, Луша пытается войти в огонь, но не решается.

Луша. И чтобы жить дальше, мама должна меня отпустить. Маме хочется умереть, но она должна жить. Её время ещё не пришло, поэтому надо жить! А для этого надо проститься со своим ребёнком. Подкинули дров, чтоб веселее горел огонь. Разбудили маму. Она открыла глаза, а перед ней... Она пеленает, она даёт грудь и даже словила соском крошечную занозу, но это ничего...

Луша пытается войти в огонь, но не решается.

Луша. Опустить меня, мама, отпусти меня. Я забираю твои грехи: твою мать, смерти которой ты ждала, кота, старушку, к которой ты не зашла, жену того мужика и самого мужика, твоего жениха, папу, его жену и его детей. Всех разрушенных снеговиков, плачущих детей. И всё, что ты сделала или подумала, — я впитала с твоим молоком. Я отправлюсь на Небо. (К залу.) А здесь окажется тот, чья мать тоже решила проститься. Отпустить. Моя мать потеряла меня трёх месяцев от роду. Ваша, возможно, потеряла много позже, возможно, у вас у самого

уже были дети. Неважно, когда это произошло. Важно то, что она — осталась, а вы — ушли. Она вас не забудет, нет! И сердце у неё будет так же болеть, может, даже сильнее. Но после того как она скажет себе: «Я буду жить», тогда и вы будете тут стоять, пытаться понять, что же происходит, а остальные будут думать, что это обычный день в их обычной жизни. А лет вам сейчас столько же, сколько было вашей матери, когда она вас потеряла. Моей маме было сорок. А сейчас ей намного больше. Так много, что она уже не может иметь детей. Мы ушли раньше своих матерей, а значит, приняли на себя грехи наших матерей. Мы все, все друг за другом уйдём. Но это лишь временное расставание. Любимые не умирают, лишь рядом быть перестают. Проверочное слово — «жизнь», мама.

*Луша вступает в круг, стоит, прижимая к себе поле-
но. Дрова трещат. Свет очень медленно гаснет.*